

Пояснительная записка к лекциям Удо Георгиевича
Швак: "Введение в историю русской библиографии"

Настоящая рукопись является черновым на-
броском лекций для создававшегося в 1920. в Москве
Российского Библиографического Института. Удо Геор-
гиевич был назначен в преподаватели Института
по кафедре библиографии и начал подготовляться в
1920 году к чтению лекций. Институт был открыт
лишь в 1921. - уже после отъезда У. Г.-а из Москвы,
так что читать лекции ^{ему} не пришлось.

"Лекции" являются первоначальным и фрагмен-
тарным наброском. Составитель их успел оста-
новиться лишь на некоторых темах и, конечно, только
частично осветить многие вопросы, так что руко-
пись не представляет собой единого целостного
текста, полного курса по истории библиографии.

Надо особо отметить, что страницы текста
пронумерованы не Удо Георгиевичем, а профессо-
ром Юрием Владимировичем Григорьевым, так что
распорядок текста у автора был несколько иной.
Ю. В. Григорьев пользовался настоящей рукописью
в конце 1960-ых гг., когда он начал писать об
У. Г. Шваке монографию, которую, однако, составить
не успел. Однако кратко Ю. В. Григорьев описал
"лекции" У. Г.-а в своей статье: "Удо Георгиевич
Швак", опубликованной в "Книге, Исследования
и материалы." Сборник 21, М., 1970, стр. 221-230.

Напр., не отсутствует описание периода русской библиографии
после Петра до XIX в. и периода с XIX в. - до 1917 г., не описаны соф-
твенные библиограф. труды и деятельность русских библиографов XIX в.

«Лекции У. Г. и Иваск являются первой — и к
сожалению — в самом начале прерванной — попыткой

составить историю русской одомогарии. Автор
далеко опередивший по времени работы Н. В. Зодкова и М. В. Майского.
Автор назвал свою тему скромно — лишь «Введение в
историю», «попыткой наметить главные пути»
в истории одомогарии.

Некоторые места в тексте — ^{закрытые} незаконченные
иногда встречаются варианты описаний или фор-
мулировок,

Елена Кузьма-Иваск.

Тарту, окт. 1980.

II

Udo Traski käsikiri „Blegenie b ucmopuro pyckou
submuopaguu“ („Sissejuhatus vene bibliograafia ajaloosse“) on ainult esialgne loengute visand (konsept). Seda hakkas U. Trask koostama 1920. a. Moskras organiseeritava Venemaa Bibliograafia Instituudi (Pocennickuu Submuopagoureckuu Ucmumumym) jaoks.

U. Trask määrati Instituudi õppejõuks bibliograafia ajaloos alal.

Need loengud ei moodusta lõpuleviidud täielikku kursust, vaid kujutavad endast selle algust ja on, mis käsitlevad üksikuid küsimusi või teemasid. Loengud on läbitöötamata. Kohati on tekst kurtutatud; esineb variante ja parandusi. Kopeerimisel püüdsin vähe arusaadavaid kohti või sõnu lahti mõistendada. Vajaduse korral tuleks antud koopiaid võrrelda originaaliga (asub V. J. Lenini nim. Riikl. NSVLi Raamatukogus Moskras).

Originaali tekst on kirjutatud käsitsi nummerdamata lehtedele (teemade raupa). Lehtede numbratsiooni teostas koopiis hiljem – 1960. datil aastatel – raamatuteadlane professor Juri Grigorjev, kes hakkas koostama U. Traskist monograafiat ja kes neid loenguid uuris. U. Traskil võis lehtede järjekorral olla veidi teisem.

U. Traski loengud on esimeseks katsena Venemaal luua bibliograafia ajaloos ülevaade.

Helene Kulp.

Tartus, 20. det. 1980. a.

У. Г. ИВАСК.

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ РУССКОЙ БИБЛИОГРАФИИ

Предлагаемый "курс" отнюдь не есть изложение истории русской библиографии в полном учебном ее объеме, а лишь попытка наметить главнейшие пути в данном направлении. Осветить зарождение библиографии в древней Руси, систематически и всесторонне проследить постепенное ее развитие в связи с культурным и общественным развитием народа и определить, наконец, современное состояние библиографии является задачей в настоящее время далеко не легкой в виду новизны самого предмета и, при том, не вследствие отсутствия необходимого материала, а, наоборот, вследствие его обилия и, в частности, его разбросанности и критической необработанности. Сказанное диктует большую сдержанность в суждениях, ибо какой-нибудь невольно не принятый во внимание или же неправильно понятый факт легко может привести к совершенно ложным выводам.

После этих общих замечаний, нам предстоит решить важный с принципиальной точки зрения вопрос, а именно — есть ли история библиографии наука? Далее надлежит определить ее предмет и объем и вместе с тем наметить тот руководящий принцип, который должен быть положен в ее основу.

Научное значение, предмет и объем истории библиографии.

Не вдаваясь в обширные и отдельные соображения, скажем кратко, что история библиографии, как и всякая другая история, несомненно имеет все права на признание ее научного, положительного достоинства. Она представляет не только систему в смысле формальном (логическом), но имеет свой общий принцип, которым изъясняются все факты, входящие в ее состав.

Правда, история библиографии не принадлежит к числу так называемых точных наук (каковы: математика, астрономия, отчасти физиология, физика и химия), в основе которых лежит математический принцип, дающий возможность не только изъяснять данные существующего опыта, но и точно предсказывать явления вперед (напр., в астрономии затмения планет и т.п.). В этом смысле история библиографии, конечно, не подойдет под понятие о "науке"; но в таком случае ни физиология, ни психология тоже не имеют права на имя наук. То обстоятельство, что история библиографии от других наук заимствует свой материал, свои правила и требования, а потому и не имеет права на самостоятельность, также не может служить основанием для отрицания ее научного характера. Ведь и медицина нуждается в физиологии, физике, химии и пр., без которых она немыслима. Подобным образом и развитие истории библиографии тесно связано с развитием других наук, и пока эти другие науки не возвысились на степень точных знаний, история библиографии, конечно, будет носить характер несовершенства, свойственного всем знаниям, которые не достигли еще полного развития. Но если существует основной принцип, разъясняющий и объединяющий всю совокупность явлений в области истории библиографии, хотя бы она и далеко еще была от полной и совершенной обработки, все же она есть наука, хотя по характеру своему наука не точная, а прикладная.

Как научная дисциплина, история библиографии занимается наблюдением над всеми явлениями в области библиографии в ее прошлом и настоящем, во всем их многообразии и их естественном и целостном соотношении, изучением этих явлений и их объяснением с целью выяснения причин их возникновения, по-

степенного развития библиографии в целом ее и значения.

Отсюда ясно, что задача историка должна сводиться, главным образом, 1) к изучению явлений библиографического свойства, 2) к исследованию их постепенного развития или процесса в прошедшем, 3) к выяснению их естественного соотношения и закономерности и, наконец 4) к определению современного состояния библиографии.

Что касается явлений, подлежащих изучению, то есть объема нашего предмета, то казалось бы, что по этому вопросу не может быть двух мнений: изучению должно подлежать все то, что имеет к библиографии то или иное непосредственное или даже косвенное отношение. На практике этот вопрос решается однако далеко не так просто. Дело в том, что до сих пор самый термин "библиография", как ниже увидим, не получил еще окончательного устойчивого определения и различными теоретиками библиографии понимается по своему, то очень узко, то очень широко. Хотя и нельзя конечно руководствоваться исключительно тем или иным формальным пониманием известного научного термина, тем не менее (...) (от решения этого вопроса) зависит вопрос о границах, которых следует держаться, чтобы (...) не вторгаться в чужие, хотя бы и близкие области. Определить, даже приблизительно, границы представляется особенно трудным, когда относительно термина существует столько диаметрально противоположных и в корне спорных мнений, как в данном случае. Не предвидя возможности примирить существующие взгляды, поневоле приходится держаться золотой середины. Но мало этого, в историческом исследовании — какой бы узко — специальный характер оно не носило — нельзя ограничиваться изучением явлений только известной изолированной области, а необходимо при-

влекать в качестве важных факторов еще и явления обще-исторические, т.е. необходимо рассматривать развитие русской библиографии в связи с культурой и общественно-политическим развитием народа. Так напр., в нашем деле нельзя, между прочим, не коснуться некоторых сторон политической и общественной жизни, вопросов веры и церкви и, особенно, состояния просвещения на Руси; из более конкретных - нашествия татар, введения у нас книгопечатания, преобразовательной деятельности Петра Великого и т.п. Эти и другие факторы играли и играют в процессе развития русской библиографии чрезвычайно важную роль, то способствуя ее развитию, то задерживая его и потому никоим образом нельзя оставлять их без внимания; они являются главнейшими направляющими двигателями; им обязана русская библиография своей чисто национальной окраской; они же не только содействуют пониманию многих причин и следствий, но до некоторой степени дают возможность угадывать ход некоторых библиографических явлений в будущем.

Обращаясь, наконец, к вопросу, следует ли давать предпочтение деятельности отдельных лиц или явлениям массовым, то по этому вопросу, как известно, существует два противоположных взгляда: представители одного (напр. Карлейль) считают деятельность выдающихся лиц единственным предметом, достойным внимания историка, тогда как представители другого отводят первенствующее место суммарным явлениям. Нам положительно представляется, что всякая крайность во взглядах может только вредить делу, задача которого - всестороннее освещение явлений, а потому, в силу так сказать логической необходимости, и индивидуальное творчество, и действия коллективных сил должны входить в состав исторического исследова-

ния в качестве равноправных элементов, друг друга дополняющих.

Возвращаясь к рассмотрению тех выставленных нами основных задач, которым должна отвечать история библиографии, позволим себе сказать несколько пояснительных слов относительно каждой из них, т.к. лучшее их понимание легче укажет нам те отделы, на которые естественно должно распадаться содержание истории библиографии.

На первом месте нами было поставлено изучение явлений библиографического свойства. Но осуществить эту задачу невозможно иначе, как предварительно не разложив указанные явления на их простейшие формы — элементы. Следовательно, первой и предварительной задачей истории библиографии является анализ отдельных явлений и их всестороннее научное исследование.

Вторая задача заключается в изучении библиографии в ее постепенном развитии, иначе говоря — ее процессе. Эта задача достигается путем последовательного обобщения однородных явлений заурядных и выделения явлений исключительных, дающего возможность легче обозреть всю совокупность явлений и определить для каждого нового периода все характерные особенности, предшествовавшим периодам не присущие. Таким образом как бы самим собою выясняется последовательный ход событий в их видоизменившихся формах.

Выяснение естественного и необходимого соотношения отдельных явлений, проявляющегося во всевозможного рода закономерностях составляет круг третьей основной задачи.

Наконец, четвертая задача состоит в определении тех

условий и особенностей, которые характеризуют состояние библиографии в наши дни и ее тенденции.

Разрешение указанных задач составляет содержание истории библиографии, которая естественно распадается на четыре отдела:

Содержание первого есть анализ явлений библиографического свойства.

Содержание второго — исследование постепенного развития этих явлений или исторического процесса.

Содержание третьего — выяснение закономерностей явлений.

Содержание четвертого — определение современного состояния библиографии.

Вместе взятые эти четыре основных отдела истории библиографии составляют основу определенной системы ее, как особой науки.

Содержание каждого отдела определяется содержанием вопросов, входящих в состав библиографии, в их систематическом порядке. Их необходимая зависимость и соотношение определяет в свою очередь систему каждого основного отдела. Главнейшими научными данными для построения истории библиографии служат: с одной стороны, отдельные факты из прошлого библиографии и их взаимная зависимость, изучение которых дает возможность установить их закономерность в прошлом. С другой стороны — данные о таких же фактах в современной библиографии, те научные данные, которые свидетельствуют о закономерности явлений в настоящем.

Основные вопросы истории библиографии.

Основные вопросы истории библиографии естественно совпа-

дают с ее главнейшими задачами. Они столь же естественно могут быть подразделены на вопросы четырех родов:

- 1) вопросы, вытекающие из анализа явлений в их простейших формах;
- 2) вопросы, касающиеся постепенного развития этих явлений, т.е. процесса;
- 3) вопросы, касающиеся различного соотношения явлений и, обусловленных этими соотношениями, закономерностей;
- 4) вопросы, связанные с современным состоянием библиографии.

Что касается вопросов первого рода, то их столько же, сколько насчитывается отдельных явлений библиографического свойства. Несмотря на их кажущееся однообразие, в них содержится масса индивидуального, так что обнять их единым научным обобщением совершенно невозможно. Следовательно, необходимо выделить в особые группы явления общие, наиболее характерные для данного времени и явления исключительные, выделяющиеся из общей массы своими индивидуальными особенностями. Изучение явлений той и другой группы и сравнение их между собой дает возможность наиболее наглядно и ясно представить состояние библиографии каждого данного периода. Явления общие или массовые служат для выяснения характера библиографии в рассматриваемый период, тогда как явления исключительные дают материал для суждений о том, как она видоизменяется: возвращаясь к старым формам или эволюционируя. Все то, что связано с развитием библиографии принадлежит ко второй группе упомянутых выше вопросов.

К третьей группе вопросов должны быть отнесены вопросы, возникающие при сопоставлении отдельных явлений. Правильная

повторяемость определенного соотношения различных явлений в различные периоды определяет их закономерность. Научным средством для установления соотношения явлений служат данные статистики, обнаруживающие правильную повторяемость самых различных массовых явлений, даже таких, которые считаются совершенно случайными и от нашей воли независимыми. Но явления эти, при массовом их наблюдении, показывают явные признаки закономерности, т.к. при правильном и постоянном повторении этих явлений из года в год становится совершенно очевидным вполне определенное соотношение, не только между числом этих случайностей, но и вскрывается определенная зависимость и постоянное соотношение между одними явлениями и другими, их обуславливающими и имеющими значение причин.

Вопросы четвертой группы суть те же, что и второй, с той лишь разницей, что они касаются не прошлого, а настоящего времени.

Покончив с этими предварительными замечаниями, обратимся теперь прежде всего к рассмотрению значения термина "библиография" и родственных ей дисциплин.

Вопрос этот будет яснее, если обратиться непосредственно к рассмотрению той группы работ, в которых освещается вопрос, как понимается у нас самый термин "библиография" (по русски "книгоописание"), как определяются ее сущность и задачи, а также ее место среди других родственных ей научных дисциплин — библиология" (по русски "наука о книгах"), "библиогнозия" (по русски "книговедение") и др. Следует разобраться в этой путанице и договориться, какого из существующих определения будем придерживаться мы.

Во всех без исключения определениях этими терминами обозначается один из видов изучения произведений письменности и печати, но до сих пор, несмотря на многочисленные попытки ученых и специалистов-книговедов пролить на это дело свет, ни один из названных терминов не получил окончательного, общепринятого значения; нет такого определения, которое ясно и точно установило бы задачи, значение, объем и содержание этих дисциплин. Понятия эти имеют до того много общего друг с другом, что очень трудно провести между ними строгую границу и это вызывает постоянную путаницу: то их понимают слишком узко или, наоборот, слишком широко, подводя сюда и археологию, и нумизматику и пр.; то их смешивают между собою и даже с историей литературы, то, наконец, прибегают к полному их отождествлению. Наибольшей популярностью пользуется у нас, как и за границей, термин "библиография", употребляемый не в тесном смысле, как "книгописание", а как совокупность знаний о книге, прекрасно определяемый чисто русским выражением "книговедение". По другим определениям этот же термин принимается в его дословном смысле, как одна из составных частей книговедения. Принимая это во внимание нам предстоит рассмотреть все явления так или иначе связанные с книгой и книжным делом, поскольку они выражены в трудах наших книговедов, как теоретиков, так и практиков. Нас одинаково будут занимать успехи книгопечатания и вообще книгопроизводства, библиотековедения и книжной торговли, т.е. всех видов книгораспространения, книгоописания в собственном смысле, статистики печати, вопросы библиографической классификации, специального образования и т.п.

В своем изложении мы будем держаться по возможности си-

стематического порядка и строгой объективности, но в то же время не отказываясь от необходимой критики.

Возвращаясь к затронутому выше вопросу о терминологии, укажем в хронологической последовательности все попытки определений, сделанные в этом направлении у нас на протяжении всего XIX и первой четверти XX в.

В связи с первым вопросом стоит другой, такого же принципиального характера, а именно — наука ли библиография? По этому вопросу наша литература чрезвычайно бедна.

Бывший Московский Библиографический Кружок определил библиографию как "ключ всех наук" и эти слова выставил на своей печати. Такое определение по существу совершенно правильное, но этим еще не доказано, что и сама она принадлежит к числу научных дисциплин.

1811 г. Вас. Григ. Анастасевич (1775–1845) в своей статье "О библиографии", помещенной в журнале "Улей" (1811, № 1, стр. 14–28) признает полную новизну термина "библиография", считая, что даже самое слово для многих требует еще перевода, и определяет ее как "книгописание", или науку знать книги и по их содержанию полагать в приличных разрядах по общей или принятой системе. Но через несколько строк дальше он придает ей уже новое понятие, считая ее "сокращенною библиотекою, систематически представляющею ученые труды какого либо народа, или вообще всего ученого света".

Включив в "библиографию" также и библиотековедение, автор идет дальше и говорит о ней "как науке о книгах, которая "сделалась отраслью человеческих познаний и наукою тем важнейшею, что она вещественно заключает в себе все прочие, ибо все

прочие содержатся в книгах". В заключение своей статьи Анастасевич упоминает о ее (т.е. библиографии) теории, или библиологии (книгословии)", называя ее "философией первой... или вышней библиографией". "По сему понятно, говорит он, к ней относится сведение о словах библиографических, о тиснении, истории и принадлежностях сего искусства, об архивах, рукописях, медалях, древностях и проч., о знатнейших библиотеках, о разных изданиях, о издателях, славнейших типографах и книгопродавцах, о разных книгохранилищных системах, словом о всем, что только принадлежит к умопроизведениям".

В другой своей статье, озаглавленной "О необходимости в содействии русскому книговедению" ("Благонамеренный", 1820, ч.Х, № VII, стр.32-42), Анастасевич упоминает термин "книговедение" только в заглавии, в статье же говорит о библиографии в тесном смысле этого слова, не давая точного определения и отождествляя ее с книговедением.

1813.

Попытку определить термин библиография мы находим в предъуведомлении к "Опыту российской библиографии" В.С.Сопикова (СПб., 1813, ч.І, стр.).

По этому определению "библиография из всех человеческих познаний есть самая пространнейшая наука". Она должна "рассматривать сочинения как древних, так и новейших писателей"... изучать "историю книгопечатания, славных типографщиков, издателей и все производство типографское", давать "обстоятельное сведение о полезных, редких и любопытных книгах не по одном только их заглавиям и формату, но и по их содержанию".

1836 г.

Конст.Мих. Базили (1809-1884) в своем определении гречес-

ких терминов библиогнозия, библиография и библиология, переведенных им словами книговедение и книгописание (см. Энциклопедический Лексикон изд. А. Плюшаром. СПб., 1836, т. У, стр. 484-486) пишет следующее: "Под этими словами разумеется отдельная отрасль познаний, получившая в новейшие веки весьма обширное развитие, и имеющая предметом собственно исследование книг и их описание, в особенности их издания, внешней и материальной формы книги, касаясь содержания ее в том только, чтобы уметь надлежащим образом причислить книгу к той или другой отрасли человеческих познаний, при составлении точного и систематического каталога"... Довольствуясь таким общим определением, он отмечает, что немцы делают между указанными терминами существенную разницу, а именно: библиогнозии они дают "более обширное значение, почитая ее ключем каждой науки и требуя от нее систематического познания и классификацию всех сочинений, писанных о каждой науке, что, по выражению их, составляет литературу той науки"; собственно библиографии они "предоставляют исследование одних печатных книг, сравнение различных изданий и т. п."; наконец, за библиологией они признают "меньший объем, нежели за библиографией", ограничивая ее компетенцию "одною материальною и типографическою стороною книги", вовсе не касаясь предмета ее и классификации библиографического порядка и относя ее "более к книжной торговле". - В заключение Базили указывает на то, что библиография "нередко была предметом насмешек и колкостей, и многие почитают ее плодом чтения и изучения одних заглавных листов, имен издателей и схолиастов, места и года издания", тогда как она оказывает науке величайшие услуги, и должна служить светильником ученому в хаосе беспре-

рывно умножающегося числа книг".

1858 г.

Г.Н. Геннади (см. его предисловие к книге "Литература русской библиографии", СПб., 1858, стр.3) разумел значение библиографии в обширном смысле, как книговедение, или книгознание и по смыслу ее названия, как книгописание".

В своем послесловии к той же книге (стр.185) он высказывается несколько подробнее: "Библиография в собственном и тесном смысле слова, говорит он, есть "книгописание. Задача ее есть приведение в известность, описание и история книг и рукописей. Она может состоять из сведений о книгах известного периода времени, или страны, или народа, или из сведений об известных собраниях книг, т.е. библиотеках. Она вызывается движением литературы и науки, по мере накопления книжного запаса, потребностью знать, что, когда и кем было писано и печатано, где что хранится, куда обращаться за источниками для ученых работ".

1873 г.

Покойный библиотекарь Публичной Библиотеки А.А.Стойкович, автор статей "Библиогнозия, Библиография и Библиология (Русский Энциклопедический словарь, изд. про И.Н.Березиним, СПб., 1873, т.III, стр.628-629 и 634) пишет: Библиогнозия - книговедение. Термин этот, "созданный в то переходное время, когда никакая терминология еще не установилась, он редко употребляется теперь и, по нашему мнению, совершенно излишен". "Библиография в точном переводе значит книгописание, но обозначает отрасль знания, предмет которой книговедение, т.е. исследование и описание книг, с целью облегчить ознакомление с ними".

Библиология - книгословие. "Этим термином желают обозначить (работу) библиографа, ограничивающегося материальной и типографической стороной книги и не входящего в классификацию их".

Таким образом, он находит, что библиография есть не только описание книг, но и их исследование, следовательно познание чего то более обширного, чем простое книгоописание. Что касается термина "книговедение", то он считает его совершенно излишним, т.к. он вполне покрывается определением библиографии.

1878 г.

Анонимный автор заметки о библиографии, помещенной в Все-научном Энциклопедическом Словаре, сост. под. ред. В.Ключникова (СПб., 1878, изд. X. Небе, ч.I, стр.230) определяет библиографию как "науку о литературных произведениях различных народов в разное время, основание и дополнение истории литературы", деля ее на общую, иногда называемую библиологиею, занимающуюся происхождением и развитием книжного дела, и частную б. в собственном смысле, т.е. книгоописание, предмет который составляет указание и описание как рукописных, так и печатных книг".

1884 г.

Н.М. Лисовский ранее считал, что "предмет библиография составляет книговедение в самом широком смысле этого слова." "Сюда принадлежат", писал он в "Библиографе" 1884 г., № I, стр.I, "вообще всякие розыскания о литературных и художественных древностях, история книгопечатания, описание и история библиотек, история книжной торговли и издательской деятельности, известия о писателях и художниках, библиографах, типографах, книгопродавцах и т.п. Наконец сюда же можно отнести

розыскания о произведениях почему либо не бывших в печати, описания старинных рукописей, различных автографов, объяснения анонимов и псевдонимов".

1914 г. Позднее он пришел к убеждению, что "для определения всей совокупности (см. статью Н.М. Лисовского "Книговедение как предмет преподавания, его сущность и задачи" в журн. "Библиографические Известия", 1914, № I/2, стр. I-24) знаний о книге" (т.е. библиографии в широком смысле слова) следовало бы закрепить другой, менее сбивчивый термин, чем библиография и библиотековедение, а именно "книговедение", находя что он "вполне совпадает со старинным, непривившимся у нас понятием - библиогнозия и более популярным термином - библиология. В своем резюме он формулирует книговедение как "научную дисциплину, объединяющую технические и теоретические познания, касающиеся книги как таковой в ее прошлом и настоящем и имеющую целью выяснение условий возникновения, распространения и эксплуатации произведений письменности и печати, а также выяснение причин и следствий количественного состава этих произведений при различных обстоятельствах".

1894 г.

Редакция издававшегося Моск. Библиогр. Об-вом журнала "Книговедение" (1894, № I, стр. IV) в лице его руководителя А.Д.Торопова признала библиографию и библиотековедение только отделами книговедения, присоединив к ним еще и книжно-торгово-издательское дело и дело типографское.

1900 г.

В Настольном Энциклопедическом Словаре, изд. Т-ва А.Гранта и К^о, М., 1900, т. I, стр. 556 и М., 1903, т. II, стр. 556) Библиография, Библиогнозия и Библиология рассматриваются все вместе как, наука, имеющая предметом изучение произведений

писателей всех времен и стран".

"Библиография в тесном смысле слова", по словам того же анонимного автора заметки, "означает то, что написано и напечатано вообще".

1902 г.

В Большой Энциклопедии под редакцией С.Н.Южакова (СПб., 1902, т.III, стр.186) о библиографии, т.е. книгоописании, говорится следующее: "По основному своему назначению Б. занимается приведением в известность, описанием и историей печатных книг, но во многих библ. трудах отводится место также и рукописям, а также произведениям в роде карт, планов, эстампов, гравюр и т.п. Будучи тесно связана с историей литературы, Б. представляет как-бы ее архив или Codex diplomaticus и является важнейшим мерилем степени литературного развития народа".

"Библиология (стр.196) - наука о книгах, то же, что библиография".

Б.С. Боднарский (Энциклопедический Словарь Т-ва Бр.А. и И.Гранат и К^о, М., .а., т.V, столб.549) пишет: "Библиография в широком смысле этого слова есть наука о книге вообще, книговедение, т.е. отрасль знания, изучающая историю книги, роль ее и т.д., в тесном - книгоописание, т.е. составление справочных библиографических репертуаров или списков книг, в виде всякого рода указателей и каталогов. Обыкновенно Б. присваивается это последнее определение ее, расширяемое однако тем, что объектом библиографического описания могут служить не только книги, но и отдельные статьи, а также рукописи, карты, гравюры и пр.".

Определений библиогнозии и библиологии он не дает вовсе.

М.М. черезчур суживает понятие, говоря в своем определении (Новый Энциклопед. Словарь Брокгауза и Ефрона, СПб., .а., т.УІ, столб.42І), что "библиография (библиогнозия, библиология - книгоописание, книговедение) имеет своей задачей дать краткие общие сведения о всякого рода произведениях графических искусств вообще и печати в особенности (книга, брошюра, листовка, газета, карта, план, эстамп, гравюра и т.п.), а также о рукописях)", не поясняя при этом, что следует понимать или им понимается под произведениями графических искусств.

Такова у нас литература вопроса. Мнения о нем то сходятся, то расходятся и в итоге он по прежнему остается открытым.

В своем резюме вышеприведенных определений Н.М. Лисовский делает вывод, что из всех существующих у нас терминов, термин "книговедение" лучше других выражает понятие о совокупности знаний о книге и книжном деле, а потому за термином "библиография" следовало бы закрепить его прямое значение "книгоописания", отводя ей соответственное место среди элементов книговедения. Но и этот, казалось бы, достаточно обоснованный и всех примиряющий взгляд встретил уже возражения, хотя впрочем не столько по существу, сколько в силу соображений практического свойства. Так напр., сторонники именуемой себя "международной десятичной системы" библиографической классификации решительно отказываются принять предложенное Лисовским построение термина, ибо с принятием его пришлось бы соответственно изменить их условный цифровой язык, что по самой

природе этого языка сопряжено с почти непреодолимыми препятствиями. Впрочем, конструкция десятичной системы такого свойства, что не нарушая ее в самой основе, в ней вообще невозможны никакие изменения в понимании (хотя бы явно ошибочном) существующих терминов, а потому в данном вопросе она в счет идти не может. Но против формулировки Лисовского начинают раздаваться уже и голоса, исходящие от лиц, не связанных в своих суждениях никакими рамками условностей. Такой голос, между прочим, принадлежит А.М. Ловягину, находящему, что Лисовский настолько расширяет пределы книговедения (или библиологии, как он именует всеобъемлющее знание о книгах), вносит столько разнородных, к разным порядкам явлений принадлежащих предметов в состав его, что получается лишь внешним образом соединенный конгломерат знаний, которые никоим образом не могут быть втиснуты в какую-либо систему или объединены друг с другом каким-либо методом. (См. его "Методологическую заметку" из серии "библиологических очерков" в "Библиологическом Сборнике, П., 1916, т. I, вып. 4, стр. 35-38).

Ловягин стоит за полное отождествление значения обоих терминов — "библиология" и "библиография" в виду теоретических и практических неудобств в проведении границ между ними (см. его статью "О содержании библиологии или библиографии" (в Биб. очерках. П., 1916, стр. 176). Склоняясь все же больше в сторону термина библиология, Ловягин считает, что кардинальными вопросами последней являются вопросы о количественном составе всех без исключения произведений письменности и печати (независимо от материала, на котором они воспроизведены) и о причинах и следствиях того количественного состава, который наблюдался или наблюдается при тех или иных обстоятель-

не законченное историческое исследование, то сжатый очерк.

"Обзор" Сахарова, помещенный в "Литературной Газете" 1842 (№ 22 и 23, в критической статье о книге П.М.Строева "Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке И.Н.Царского" М. 1836 г.) и потом перепечатанный в I-м (единственном) выпуске его "Древних русских памятников" (СПб., 1842), содержит в себе самый краткий перечень библиографических трудов в России и интересен лишь как первый в своем роде опыт обзора этой литературы.

Полнее, чем у Сахарова, эта литература представлена в первой части "Библиографических Разысканий" Ундольского, озаглавленной "Очерк библиографических трудов в России, и напечатанной во № 2-м "Москвитянина" за 1846 год (стр.138-162), а также отдельно (М., 1846, 24 стр.). Эта статья состоит из хронологического перечня главнейших трудов русских библиографов, начиная с Максима Грека - предполагаемого автора составленного при великом князе Василии Ивановиче списка греческих книг, не переведенных еще тогда на церковно-славянский язык - и кончая только что упомянутыми "Древними русскими памятниками" Сахарова. Сомневаюсь, действительно-ли Максим Грек заслуживает чести быть названным "первым библиографом на Руси", ибо "сказание"¹⁾ о нем написано было уже тогда, когда "последним людям многим неведом (был), кто Максим" и, кроме того, Максим Грек не знал славянского языка, и считая макаровские "Четии Минеи" трудом не столько библиографическим, сколько литературным - Ундольский приходит к заключению, что вернее отнести начало русской библиографии ко времени патри-

¹⁾ Сказание это находится, между прочим, среди рукописей Новгородской Софийской библиотеки и в собрании графа Ф.А.Толстого (III, 74).

арха Никона, при котором составлен был каталог рукописей, собранных в 1653 г. из 39 монастырей.

"Очерк" Ундольского обратил на себя особенное внимание заграничных библиографов, будучи переведенным на немецкий язык, он нашел себе место на страницах трех различных изданий ("Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland" A.Erdmann'a. Berlin, 1850, Bd. VIII, Th.I; "Anzeiger der Bibliothekswissenschaft" I.Petzholdt'a 1848-1849, Halle, 1850 и его же "Bibliotheca Bibliographica", 1866, S.404-407). В России он сохранил свое значение только до 1858 года, когда появилась книга Геннади "Литература русской библиографии. Опись библиографических книг и статей, изданных в России". (СПб., 196 стр.)¹⁾ превосходящая труд Ундольского во всех отношениях.

Предпринимая свою работу, Геннади поставил себе задачей "приведение в известность и указание в систематическом списке по возможности всего, что печатано в России по предмету библиографии, в книгах, брошюрах и статьях в журналах и газетах", при чем "разумел значение библиографии в обширном смысле, как книговедение". Столь обширно понимаемое Геннади понятие "библиография" отразилось прежде всего на объеме его работы. Но как Сахаров и Ундольский, так и Геннади не имел в виду изложить последовательный ход развития русской библиографии в разные ее периоды, ни тем более написать ее историю, а преследовал ту же цель, что и его предшественники - представить только возможно полную "библиографию библиографии", не вдаваясь ни в какие побочные исследования; и как они, так и он при всей своей ревности к библиографии, не избег некоторых пробелов в цепи самых библиографических фактов, не

¹⁾ Книга эта служила приложением к московскому журналу "Библиографические Записки".

столько по неопытности или невниманию, в чем заподозрить его нельзя, сколько вследствие того, что в те времена многие из этих фактов еще или вовсе не были известны библиографам, или же не получили надлежащего освещения в печати. Добросовестно перечислив все известные ему в излюбленной им области труды и снабдив свой перечень, где нужно было, обстоятельными примечаниями и не лишенным интереса "послесловием", посвященным обзору состояния русской библиографии и ее нужд — Геннади сделал ценный вклад в нашу специальную литературу, и книга его, несмотря на свою более чем полувековую давность, не лишена значения и в настоящее время.

Хорошим дополнением к книге Геннади, особенно по части гуманитарных наук и менее по разряду точных знаний (библиографией которых наши библиофилы обычно пренебрегают) могут служить каталоги Я.Ф.Березина-Ширяева, Н.П.Смирнова и в новейшее время Д.В.Ульянинского. Каталоги эти составляют специальный вид библиографической литературы и подробнее о них будет сказано ниже при обзоре этой литературы.

Что касается статей в энциклопедических словарях, то заслуживают упоминания собственно только две из них, принадлежащие: одна: д-ру А.Е.Яновскому, другая — секретарю Академии Наук П.К.Симони; все остальные статьи незначительны по объему и содержанию, трактуя предмет в самых общих чертах и серьезного значения не имеют, не говоря уже об устарелости большинства из них.

Обе выделяемые нами из общей массы статьи нашли себе место в словаре Брокгауза и Ефрона: одна в старом, другая — в новом, незаконченном его издании. Они носят конспективный характер и в сущности не дают картины развития русской библио-

ствах, высказывая при этом мысль, что эти вопросы не могут быть изучаемы отдельно, сами по себе, но что изучение количества должно всегда идти параллельно с изучением качества (стр.183). Цель библиологии — определять, как и насколько в количественном и качественном отношениях человеческая мысль находила и находит себе выражение в произведениях письменности и печати.

Разобравшись в сложном вопросе о термине обратимся к вопросу, что сделано у нас в деле пройденного русской библиографией пути.

Литература русской библиографии.

Русская библиография еще ждет своего исследователя. Если не считать "Обзора русской библиографической литературы" И.П.Сахарова, "Библиографических разысканий В.М.Ундольского, "Литературы русской библиографии" Г.Н.Геннади и малосодержательных в большинстве случаев, очерков в наших энциклопедических словарях, то никакой истории русской библиографии пока не существует. Все эти посильные попытки осветить прошлое русской библиографии носят чисто справочный характер и в силу этого прямого отношения к нашему предмету не имеют, не говоря уже о том, что большинство из них значительно устарело. Не касаясь ни вопроса о судьбе русской библиографии, ни тем более причин в разное время влиявших на ее развитие, все эти работы имеют значение для историка только благодаря обилию собранного в них фактического материала. В своей совокупности, материал этот дает довольно полное представление о всех наиболее выдающихся явлениях в занимаемой нас области и, таким образом, до известной степени заменяет собой если

графии, а лишь отмечают главные моменты. Первая по времени имеет своим автором д-ра Яновского. Это сжатый обзор всех наиболее важных работ по библиографии, богатый фактическими материалами но и в этом его главное достоинство. Статья написана очень толково, с большим знанием литературы предмета. Она обнимает все существенное, так или иначе относящееся к области книговедения, вплоть до 90-ых годов прошлого столетия, когда вышел в свет соответствующий том словаря. Вся статья занимает (200) страниц мелкой печати, из которых на долю, касающейся России приходится 70 страниц. Изложена она в систематическом порядке и состоит из трех основных частей, посвященных: библиографии славяно-русской, библиографии собственно русской и библиотековедению, и во всех трех частях достигает значительной полноты, давая наглядную картину как постепенного роста библиографии в тесном смысле, так и успехов книговедения (и книгопечатания), не претендуя на исчерпывающее значение. Сведения по истории библиотек в России выделены автором в отдельную главу, являющиеся необходимым дополнением к предыдущей.

П.К.Симони. Он помещен в изданном без означения года XI-м томе так-называемого "Нового" словаря Брокгауза и Ефрона, вышедшем в году. Она занимает 70 столбцов или 35 страниц и трактует исключительно библиографию в России, как русскую, так и славяно-русскую.

В общем она представляет собой обновленную путем ряда дополнений — местами весьма существенными — перепечатку статью Яновского и благодаря этим дополнениям, а не другим каким-либо качеством должна быть предпочтена последней, как более современная. Изложение доведено до года.

Этими трудами собственно говоря и ограничивается вся наша литература по данному вопросу. Можно было бы причислить к ней еще и статью Дерунова в "Библиографических Известиях", но она является не столько исторической, сколько критической; при том она обнимает собою лишь сравнительно небольшой, хотя и важнейший период времени русской библиографии — последние 200 лет.

Если не считать кратких очерков развития библиографии в России, помещенных в наших энциклопедических словарях, то никакой истории русской библиографии не существует. Очерки эти лишь заменяют историю, равно как ее заменяет отчасти книга Геннади "Литература русской библиографии", представляющая собою нечто в роде библиографии библиографии. Несмотря на краткость первых и односторонность и устарелость последней они дают довольно ясное представление о завоеваниях в области русской библиографии с древнейших времен до наших дней, составляющие вместе с новейшими данными пока неписанную историю библиографии и заставляют нас относиться к библиографии с полным уважением, нисколько не беспокоясь за ее будущее (несмотря на присущие ей недостатки).

Последовательный ход развития библиографии в России.

I. Общая характеристика.

Современное состояние библиографии в России резко отличается от состояния библиографии на Западе, особенно в Германии, где существуют полные обзоры книжной продукции, издающиеся периодически и сообщające точные и современные сведения о всех явлениях науки и литературы. Мало того: нет ни одной отрасли ведения, библиография которой не имела бы в Германии своего специального органа. И другие страны могут гордиться трудами своих библиографов, но нигде библиография не организована так прочно и стройно, как в Германии, где успехи ее находятся в непрерывной и тесной связи с судьбами книжной торговли. Всем этим Германия обязана, почти исключительно усилиям своих книгопродавцев; правильно понимая условия и задачи книжной торговли, они являются если не вдохновителями, то покровителями всех трудов библиографического характера, играющих в их деятельности большую практическую роль. Иначе обстоит дело в России. Здесь состояние библиографии во многом напоминает судьбы ее в Италии, чрезвычайно богатой библиографическими трудами по специальным вопросам и в то же время не имеющей общих обзоров, которые исчерпывали бы всю итальянскую литературу. Как в Италии, так и у нас все попытки составить общий перечень всех книг до сих пор не имели успеха. Таких попыток сделано было немало, как отдельными лицами, так и целыми организациями, но всегда они разбивались в самом начале вследствие непосильных для тех и других материальных затрат, в таком большом деле весьма значительных. Ни просветительные учреждения, ни

книгопродавцы не считали возможным оказывать многочисленным начинаниям в этом направлении какого-либо содействия, кроме чисто платонического, никогда, впрочем, не отрицая пользы, которую принес бы не только им, но буквально всем даже самый краткий список всех изданных в России книг. В специальных отделах библиография достигла в России значительных успехов, но опять таки не благодаря книгопродавцам, принимавшим в них почти незаметное участие, а благодаря собирателям-любителям.

Особенно сильное развитие получила у нас библиография в последнее время, но качественно она не всегда может соперничать с трудами прошлого столетия.

2. Деление библиографии на славяно-русскую и русскую.

При обозрении библиографии в России необходимо различать:

1) библиографию славяно-русскую и 2) библиографию русскую.

За такое разграничение говорят не только одни внешние различия в шрифте и пр., но и более глубокие внутренние различия в объекте изучения и задачах, которые ставятся исследователю в той или другой области.

Под первой разумеют библиографию допетровской письменности, понимая под этим все обращавшиеся в до-петровской Руси рукописи и печатные издания, как вышедшие в России, так и за границей и книг церковной печати, изданных в России в XVIII-XIX столетиях; под второй — библиографию книг (и периодических изданий) гражданской печати.

3. Первый на Руси библиографический опыт.

Древнейшие из доселе найденных памятников славянской письменности определенного времени относятся к XI веку. От време-

ни более древнего сохранились только отрывочные известия и памятники в списках последующих веков.

Одни из известий касаются письменности славян дохристианского периода, другие — письменности христианской до половины IX века, т.е. до начала просветительной деятельности Константина Философа и брата его Мефодия, третьи — письменности славян со второй половины IX века.¹⁾ Памятники, с которых сохранились списки, все принадлежат к IX веку. Начиная с XI века письменность русская получает важное значение, ибо все памятники этого века определенного времени писаны на Руси; большая часть памятников следующих затем веков тоже по русски. В русских списках сохранилась большая часть памятников славянских.

На первом месте среди памятников русского письма, сохранившихся в подлинниках XI века, стоит Книга Евангельских чтений, известная под именем Остромирова Евангелия 1056–1057 гг. и названная так по имени новгородского посадника Остромира (хранится в Публ. Биб-ке). Остромирово Евангелие важно для библиографа-практика, так как с него ему необходимо начать свою книгоописательную летопись. Но для историка русской библиографии особенное значение имеет Изборник, списанный для князя Святослава 1073 г., так как в нем мы встречаемся со старейшим известным нам опытом осмотреться в наличном составе письменности, т.е. с началом библиографии.

Означенный сборник принадлежит к числу древнейших памятников болгарского письма, сохранившихся в поздних списках. Он был переведен для болгарского князя Симеона (+927) и старей-

¹⁾ По сказанию герноризца Храбра о письменах (древнейший из найденных списков этого сказания писанный в 1348 г., находится в сборнике болгарском, принадл. Синод. биб-ке), изобретение славянских писмен Константином Философом относится к 855 г., если только год 6363 считать соответствующим обыкновенному византийскому счету (5508 лет от сотв.м. до Р.Х.).

ший из сохранившихся списков его есть тот, который, как видно из записей, приготовлен был в 1073 году для великого князя Киевского Святослава.

Рукопись эта писана на пергаменте в малый лист, тетрадами по 8 л., всего 266 лл. Из них 262 лл. заняты статьями, а 4 лл. — рисунками. В Изборник вошли статьи разных писателей в выборе, сделанном греками. Интересующее нас место заключается в статье. "О книгах истинных и ложных"...

[Другой вариант.] Старейший известный нам опыт осмотреться в наличном составе письменности сделан был в знаменитом "Изборнике" великого князя Святослава Черниговского, относящимся к 1073 г., в статье "О книгах истинных и ложных", которая имела целью указывать благочестивому читателю, какие книги пригодны для душевного спасения и какие должны быть отвергнуты, как вредные. I) Основа статьи взята была из греческого церковного запрещения апокрифических книг Ветхого и Нового завета, к которым прибавлены были некоторые сочинения, носившие след древней языческой науки и отвергнутые, как противные христианской вере. Воспроизводя этот список запрещенных книг, древняя славянская письменность (и в особенности русская) дополнила его списком книг "истинных". В этот последний вошли кроме книг церковных, пользовавшихся авторитетом, и писаний отцов церкви, отчасти книги исторические, составленные опять таки в церковном духе. Список ложных книг, в основе взятый готовым с греческого, при обилии переводов апокрифических книг в славяно-русской письменности, почти в полной мере соответ-

I) См. исследование А.Н.Пыпина "Для объяснения статьи о ложных книгах" в "Летописях занятий Археографической Комиссии". СПб., 1862, вып. I, стр. I-55, где дан обзор источников статьи, ее вариантов и сводный текст, а также краткое приложение доклада Н.С.Тихонравова о статье "О книгах истинных и ложных", в "Трудах третьего Археологического съезда в Киеве в августе 1874 г. Киев, 1878, I, стр. VIII-IX.

ствовал и наличному их составу; список книг истинных сделан был по книгам, действительно имевшимся в литературе, и таким образом в обеих своих частях этот список представлял своего рода каталог русской письменности, хотя и неполный, так как, принятой с назидательной целью, в нем не считали нужным упоминать о книгах, не имевших прямого церковного характера. Статья "О книгах истинных и ложных" повторена была не раз, при чем она постепенно разрасталась; в расширенном виде она встречается в списках XVI и XVII столетий и, наконец, в так называемой "Кирилловой книге" 1644 года, повторенной в 1786 году.

Другим опытом, имевшим целью пересмотреть наличную литературу опять для спасительного назидания, было составление в XVI веке так называемых Четий-Миней, заключающих в себе жития святых и творения писателей церкви, расположенные по месяцам и числам, когда празднуется их память. Составители этого обширного труда, представляющего собой свод едва-ли не "всех книг чтимых, которые в Русской земле обретаются", т.е. более или менее всей старой церковно-славянской и славяно-русской письменности, оригинальной и переводной, был великий ревнитель русского просвещения архиепископ новгородский Макарий (1481-1563), потративший на это дело целых 12 лет. Перейдя на митрополичью кафедру в Москву, он дополнил здесь свои Минеи и новый список их положил на хранение в Успенский собор.¹⁾ Первый список в виде 12 книг — по числу месяцев — положен был им в книгохранилище новгородского Софийского собора).

"Четии-Минеи" сохранились в трех громадных, тщательно переписанных фолиантах, частью друг друга дополняющих: экземпляр Софийского собора 1541 г. — в СПетербургской Духовной Ака-

1) Заметим кстати, что по желанию Макария и царя Иоанна Грозного в Москве была устроена у нас первая типография, открытая в году.

демии, Московского Успенского собора и Московской Синодальной или Патриаршей библиотеки — оба в последней.¹⁾ Полный текст Минеи был начат печатанием еще в 1868 году, и по настоящее время вышло всего около половины круга. В XVII ст. монахом Евхимием было составлено "Оглавление Четиих-Миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московском Успенском Соборе", изданное В.М.Ундольским (М., 1847); исчерпывающий же перечень их дал несколько позже архимандрит Иосиф (напечатан в 1892 г. под заглавием "Подробное оглавление великих Четиих-Миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской патриаршей (ныне Синодальной) библиотеке". (М.)

Кроме статьи "О книгах истинных и ложных" и макарьевских Четиих-Миней от старых времен сохранилось немало других памятников библиографического характера, а именно: описей библиотек монастырских, соборных, церковных, патриаршей, царской и др. — служивших реестрами или инвентарями. В них обыкновенно указаны автор, название книги, с отметкой — русская или иностранная, рукописная или печатная, формат — в десть, в пол-десть и т.п., но попадаются и более скромные, хотя не менее важные описи, заключающие простой перечень книг. Старейшая из таких описей находится в "Ипатьевской летописи"²⁾, где под 1288 годом внесена перечневая роспись книг, пожертвованных князем Владимиром Васильковичем в разные церкви. Роспись эта стоит особняком, и до половины XV в. не уцелело других памятников этого рода, хотя в до-монгольское время и существовали отдельные каталоги рукописных собраний, упоминаемые не только

1) О них см. в "Летописях русской литературы и древн." Тихо-равова, I, стр. 68-73; А.В.Горского и К.И.Невоструева "Описание великих четиих-миней Макария, митрополита всероссийского (в Чтениях Общ.Истор. и Древн. Росс. при Моск.Универс. 1884, кн. I; 1886, кн. I, издание не закончено).

2) См. Полное Собрание Русских Летописей, 2-е изд. СПб., 1908, т. II, стр. 925-926.

в "Истории" Татищева, но и в достоверных летописях. С наиболее ранними сохранившимися описями древне-русских библиотек мы встречаемся опять только в XV в., когда состав нашей письменности стал быстро и сильно изменяться под влиянием обильного притока южно-славянских материалов. С этого времени и начинается последовательный ряд кратких, а иногда и более или менее систематизированных и подробных описей старинных книжных собраний, тянувшийся на всем протяжении последующих столетий. Их сохранилось довольно много, в общем свыше сотни, часть которых издана. Старейшая из них и в то же время наиболее подробная принадлежит неизвестному монаху Кирилло-Белозерского монастыря и относится к последней четверти XV в., причем есть основание думать, что она была продолжена еще и в начале XVI в. она прервалась с кончиною ее составителя, оставшись незаконченной и надолго затерянной. В оставленной этим монахом рукописи, служившей ему как бы записною книжкою, подробно описаны 24 рукописных сборника названной обители и в частности 957 отдельных статей, в них заключающихся.¹⁾ Эта работа заслуживает особенного внимания по многим причинам, благодаря употребленным в ней приемам весьма совершенных; в своей совокупности они применялись только много позднее образцовыми западными и нашими библиографами и доселе удерживаются при научном описании древних рукописей.

Рукопись Кирилло-Белозерского монастыря дает вполне определенное представление о формате, составе, содержании, объеме, а иногда и о времени составления описанных в ней книг. Она довольно точно воспроизводит начальные слова каждой главы руко-

¹⁾ См. издание текста этой рукописи в сообщении проф. Н. К. Никольского: "Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в.". СПб., 1897.

писей, нередко с соблюдением даже орфографии их; в ней точно подсчитано количество листов, занятых каждой главой и, соответственно с нумерацией в рукописях, обозначен порядок глав. Иногда при этом веден двойной счет: под № отдельной главы внесена целая группа слов и поучений на известный день года; заголовки, большей частью, сокращены, опущено все несущественное и оставлены только имя автора, название сочинения, предмет его и нередко число и месяц, к которому оно может быть отнесено; мелкие, однородные по содержанию статьи, следовавшие в рукописи одна за другой, не включены в особые для каждой главы: им дан общий заголовок с показанием начальных слов первой статьи и общего для всех них счета, или же указаны одна только первая статья и сумма листов, занятых всеми статьями.

Из числа других таких описей (изданных) назовем следующие: "Опись книг Слуцкого Троицкого монастыря, составленная архимандритом Иосифом в начале 1494" г. (см. "Акты, относящиеся к истории Западной России", т. I); "Опись книг Иосифа-Волоколамского монастыря 1543г." (напечатана П.С.Казанским в "Чтениях Общества Ист. и Древн. Российских при Моск. Университете", 1847, № 7); "Опись Суздальского монастыря 1557 г." (в "Виленском Археографическом Сборнике", т. IX; ср. у Добрянского в "Описании рукописей Виленской Публичной Библиотеки", стр. XXVII-XXXIII);

"Опись Коряжемского монастыря 1587 г." (напечатано Н.П.Лихачевым в "Библиографе", 1889, № 3);

библиографический труд книгохранителя Прилуцкого монастыря, отца Арсения, жившего в 80-ых годах XVI в. (о нем см. сообщение проф. И.А.Шляпкина в "Протоколах комитета и общих собраний Имп. О-ва Любит. Древн. Письмен." за 1892-1893 гг., стр. 17).

"Опись царского архива 1572-1575 гг.", переписанная из

старой тетради 1562-1563 гг., в которой кроме архивных дел приведено много книг (напечатана со списка Имп. Публ. Библиотеки в "Актах Археографической Экспедиции", СПб., 1836 г., Т. I, № 289); исследована А.Н.Ясинским в статье: "Московский государственный архив в XVI в.", Киев, 1889 г., в "Университетских Известиях", в диссертации С.А.Белокурова "О библиотеке московских государей в XVI в. (М., 1898), в книге Н.П.Лихачева "Библиотека и архив московских государей в XVI столетии". (СПб., 1894).

Список греческих книг не переведенных еще на церковно-славянский язык, составленный известным деятелем русского просвещения и духовным писателем Максимом Греком (ок. 1480 + 1556), будто бы разбиравшим книгохранилище великого князя Василия Ивановича (см. статью акад. А.И.Соболевского в "Материалах и исследованиях в области славянской филологии и археологии" (СПб., 1910 г., стр. 208-213).

Перепись всей утвари и книг Иосифа Волоколамского монастыря сделана в 1591 году. На основании этой и др. старинных описей и записей рукописных Невоструев сделал оригинальную попытку определить состав библиотеки этого монастыря времен самого преподоб. Иосифа в статье "Рассмотрение книги И.Хруцова о сочинениях Иосифа Санина и тд.", помещенной в "Отчете о XII присуждении наград графа Уварова", СПб., 1870, стр. 168-186 и в отд. оттиске стр. 65-103).

Опись Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г., на основании которой архимандритом Варлаамом составлено Обозрение рукописей собственной библиотеки преп. Кирилла Белозерского" (М., 1860);

"Опись книг Суздальского Спасо-Евхилеева монастыря 1860 г.", изд. проф. И.А.Шляпкиным в "Памятниках Древней Письменности",

1880, вып. IV);

"Опись Московского Успенского собора начала XVII в., 1627-1638 и 1701 гг. (в "Русской Исторической Библиотеке", СПб., 1876, т. III, стр. 339 и след.);

"Опись книг и келейной казны патриарха Филарета Никитича 1630 г." (там же и в "Описание государственного Архива Старинных Дел", изд. Ивановым);

"Росписи царских библиотек, царя Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеева и царевичей" (См. у И. Е. Забелина, в главе VII его "Домашнего быта русских царей прежнего времени") и много других.

В 1653 году исправления богослужебных книг собраны были рукописи из 39 монастырей; всем им составлен был каталог, хранящийся ныне в Синодальной биб-ке (изд. В. Ундольским "Опись книгам, в степенных монастырях находившихся..." М., 1848 г. - обнимает 2672 рукописи);

В 1675 году по приказанию патриарха Иоакима, печатного двора справщик монах Евфимий составил опись греческих, греко-латинских, польских печатных и русских, а также и славянских русских книг, взятых с Иверского подворья из Воскресен. монастыря после патриарха Никона в патриаршую ризную казну. Опись эта напечатана В. М. Ундольским в "Чтениях О-ва Ист. и Древн. Российских", 1847, № 5 и отдельно М., 1847, и, при всей своей краткости, показывает нам, чем руководился Никон при исправлении богослужебных книг, служа в то же время материалом для истории Синодальной биб-ки.

Вообще последняя четверть XVII в. знаменуется сильным развитием библиографической деятельности наших книжников. Точные сведения об этом, с указанием, где хранятся росписи этого времени, сообщены В. М. Ундольским в его "Библиографических разс-

каниях". (М., 1846).

Самую значительную библиогр. работу конца XVII в. следует считать сохранившееся в единственном только экземпляре автора, в Моск. Синод. биб-ке (№ 828) "Оглавление книг, кто их сложил", без означения имени составителя. Основываясь на упоминании К.Ф. Калайдовича в "Иоанне Екзархе Болгарском" (М., 1854., стр.2, прим. 46 и стр.216) ., В.М.Ундольский, издавший полный текст "Оглавления", приписал этот весьма ценный библиогр. перечень содержания памятников древней слав.-русской литературы ученику Симеона Полоцкого, Сильвестру Медведеву (.....), и наименовал его "отцом славяно-русской библиографии". Это мнение отвергнуто в новейшее время акад. А.И.Соболевским (в его статье "Кто был первый русский библиограф?", напечатанной в "Трудах VII Археол. Съезда в Ярославле 1887", М.1891, т.II, стр.218-219, и повторенной в его "Переводной литературе московской Руси XIV-XVII вв. Библиографические материалы". СПб., 1903), приписывающим "Оглавление" Епифанию Славинецкому (.....). Другой исследователь, С.Н.Брайловский (в своей статье "Кто же был первый русский библиограф?", помещенной в "Русском филологическом Вестнике", 1896 г., т.XXXVI), не соглашается ни с тем, ни с другим и приписывает "Оглавление" инок Чудова монастыря Евфимию. "Оглавление" представляет собою уже плод настоящей библиографической любознательности, проникнутой глубоким пониманием важности подобных работ, и его теоретические только интересы науки, а скорее цели религиозно-практические вполне достигнуты, хотя указания его и скудны, как краткий каталог.

Ближайшее ознакомление с ним дает возможность убедиться, что наши успехи на якобы печальном поприще библиографии вовсе уже не так ничтожны, как многие думают.

Разумеется, русская библиография не лишена недостатков; допустимо даже, что в "храмине русской литературы" она представляет собой "угол едва ли не наиболее темный, заброшенный и безрадостный", но настолько ли, чтобы заслуживать такой суровый приговор, какой выпал на ее долю в результате анализа К.Н.Дерунова, считающего ее не только безрадостной, но и окончательно безнадежной¹⁾. Не взглянул ли почтенный исследователь ее судеб на дело слишком мрачно; или, не есть ли его не в меру строгая оценка не что иное, как плод пресловутой русской привычки вечного самобичевания. Судя по сохранившимся памятникам библиография русская, как ниже увидим, лишь очень немногим моложе самой письменности на Руси, восходя к последней четверти XI в. и отделяясь от последней всего мб. каким-ниб. двумя десятилетиями. Уже один этот почтенный возраст ее не может не свидетельствовать о ее несомненных заслугах и в силу этого должен был бы служить достаточным основанием для признания за ней не одних только отрицательных качеств. Другим не менее важным фактором, говорящим в пользу русской библиографии, можно выставить участие в ее создании длинного ряда лиц, пользующихся заслуженной известностью далеко за пределами своей родины не только как ученые в той или иной области науки, но и как библиографы. Еще побудительной причиной оглянуться на прошлое русское библиографии является замечаемый в последнее время интерес к библиографии и значение, которое ей придается. Если в некоторых отношениях русская библиография и отстала от западной, то в других опять она имеет перед ней известные преимущества.

1) См. его статью "Жизненные задачи библиографии. Итоги и уроки прошлого русской библиографии за 200 лет". В "Библиограф. Известиях", 1913, № I и 2 и отдельно. М., 1913.

Отсутствие у нас полного списка всех напечатанных в России книг, постоянно ставленное в вину русской библиографии (подобные списки, говорят, существуют за границей), хотя и является большим пробелом, осложняющим библиографические изыскания, не должен нас особенно огорчать: его до некоторой степени заменяют каталоги наших государственных книгохранилищ. Составление такого списка есть просто вопрос времени и материальных затрат, не вызывающее никакой головоломки и не требующий никаких повышенных библиографических познаний от составителя, или иных талантов. Здесь же уместно напомнить, что его издание не получило до сих пор осуществления не вследствие признания его излишним, а исключительно за отсутствием правительственных субсидий; желающих же приняться за его составление всегда было не мало, о чем свидетельствуют многочисленные проекты, время от времени появляющиеся в печати.

.... Причины надо искать не столько в якобы отсталости в деятельности наших ученых и книжников, сколько главным образом в особенностях нашей жизни, а именно в условиях издательства и вообще книжной торговли, сильно отличающихся от западных приемов. На это можно возразить, что в этом и кроется как раз наша отсталость. Не спору. В торговых приемах мы, правда, отстаем; прибавлю — мы не находим поддержки со стороны правительства и ученых учреждений, но разве за это можно винить наших библиографов, ничего общего с коммерцией не имеющих?! Наоборот, мы должны удивляться, как при самых неблагоприятных условиях библиографического труда у нас однако есть весьма и весьма многое. И если, напр. у нас нет полного списка всех русских печатных книг, то с другой стороны мы можем гордиться целым рядом таких первоклассных библиографических трудов, о которых на

западе могут только еще мечтать. Укажу для примера на "Историч. разыскания..." Неустроева, "Период. печать..." Лисовского...

Библиографы посвящают свои силы в огромном большинстве любители — люди идей, сознательно не ожидающие от нее никакой материальной выгоды и даже тратившие на это свои нередко весьма скудные средства, тогда как на западе не согласились бы на безвозмездный труд. Я говорю, конечно, о массе, ибо и среди наших забытых есть такие...

Если принять за закон, что каждый труд должен быть оплачиваем, а к такому взгляду уже давно приучила жизнь на Западе, то спорить, конечно, не о чем. Но есть ли это идеал? Отчасти да, ибо что может быть лучше, как — соединить полезное с приятным. Но, разве труд сам по себе как таковой не может доставлять удовлетворение, быть может даже высшее, чем материальный успех; разве, напр., обеспеченный человек или просто человек идейный, обладающий некоторым досугом, не отдыхает, предаваясь любимой работе; наконец, не упрекают разве художника, когда он (часто очень нуждающийся), творя занят все время мыслью о том, что даст его карману его творчество? Не должны-ли мы подняться выше и не заслуживают-ли особого уважения именно те, которые трудятся не ради рубля, а ради более возвышенного интереса, чем интереса денежного? Но довольно философии; уклад жизни таков, и с ним приходится считаться.

Палеография.

По И.И.Срезневскому¹⁾ в общем смысле под именем палеография понимают знание происхождения, видоизменений и распространения писмен, в смысле частном она есть знание повременных видоизменений писмен какой-нибудь азбуки и их употребления с определением признаков, по которым можно распределять памятники письменности в повременном порядке, назначая каждому, не носящему на себе ясных указаний о времени, его действительное место по степени древности, его век.

Как отрасль науки о древностях, палеография имеет дело не только с надписями, писанными на пергаменте и бумаге, т.е. с тем, что мы называем "рукописями", а также с надписями, резанными на дереве, кости, камне, металле, тисненых на восковых, свинцовых и др. печатях, чеканных на монетах и т.п. Поэтому с библиографией она соприкасается только в той части, которая посвящена изучению рукописей. В этой своей части палеография очень близко соприкасается с библиографией, для которой ее выводы составляют необходимый материал, напр. выяснение времени, к которому данная рукопись относится, восстановление испорченной от времени части рукописи или так называемых палимисестов. Деятельность Калайдовича, Востокова, П.М.Строева, Ундольского, Бычкова, Сахарова, А.В.Горского, К.И.Невоструева, Пекарского, Срезневского ...

Деятельность К.Ф.Калайдовича.

Конст.Федор. Калайдович род. в 1792 г. в Ельце, где отец его был лекарем. Учился он в Киевской Академии и в Московском Университете. Еще студентом он занимался естественными науками, а потом посвятил себя литературе и археологии и с 1811 г. уча-

¹⁾ Славяно-русская палеография XI-XIV вв. Лекции, читанные в С.-Пб. Университете в 1865-1880 гг. СПб, 1885. (Посмертное издание).

ствовал в Моск. О-ве Ист. и Древн. Российских. Его статьи, преимущественно археол. содержания, печатались в "Вестнике Европы", "Сев. Архиве", "Сыне Отечества" и в "Трудах О-ва Истор. и Древн. Российских". Граф Румянцев поручил ему издание II-IV томов "Собрания Госуд. грамот". В 1818 г. он перешел из ведомства Моск. Ун-та в Архив Мин-ва иностр. Дел. После издания "Иоанна Экзарха Болгарского (1824)", он занимался описанием Синодальной биб-ки. В 1825 г. он сошел с ума и умер 19.IV (или 9.V) 1832 г. Известен как филолог и археолог.

Его описания рукописных книг (о правей вере Иоанна Дамаскина в переводе экзарха Болгарского, XII в., Шестоднева Иоанна экзарха, 1263 г. - в исследовании об Иоанне, экзархе болгарском. М., 1824, стр.17-58 и 59-73) остаются образцами и доселе. В них не достает только исследования собрания рукописей сравнительно с греческими подлинниками. - Вместе с П.М.Строевским он дал и первый образчик описания большого собрания в "Обстоятельном описании слав.-русск. рукописей, хранящихся в Москве в биб-ке графа Федора Андреевича Толстова". (М., 1825). Имея дело со слишком 1000 рукописями (925 древних и старых и 156 новых) составители описания не могли, конечно, думать о подробностях; но желая сделать не простой список или обозрения, а "обстоятельное описание" они, по отзыву Срезневского (стр.21), должны были обдумать, кому и для чего будет оно полезно. Но этого они не обдумали, или, по крайней мере, были связаны каким-нибудь внешним обстоятельством. Вследствие этого их описание носит характер скорее списка, чем "обстоятельного описания".

Труды Калайдовича (как отдельно изданные, так и помещенные в периодич. изданиях и сборниках) подробно перечислены в статье П.А.Бессонова "К.Ф.Калайдович. Библиографический очерк". (Чтения

в О-ве Ист. и Древн. Российских", 1862, кн.3, чтр. I-90) и в "Материалах для биографии и учено-литературной деятельности К.Ф.Калайдовича, по поводу столетия со дня его рождения" Д.Языкова ("Библиограф, Записки", 1892, № 5).

Библиографическая классификация.

Одним из больших вопросов, давно приковывающим к себе внимание библиографов, является вопрос о так-называемой библиографической классификации, имеющей задачей указывать способы наилучшего размещения библиографического материала по отделам. Таких способов или систем существует бесчисленное множество: они носят обыкновенно имя своих изобретателей и отличаются большим разнообразием. Мы не будем останавливаться на рассмотрении этих систем, так как это не входит в нашу задачу, скажем только, что у каждой из них имеются как свои преимущества, так и свои недостатки; все они условны, все относительны; и это естественно вызвало и продолжает вызывать постоянные споры между приверженцами этих систем. В новейшее время эти споры приняли особенно ожесточенный характер благодаря участию в них Б.С.Боднарского - убежденного сторонника так-называемой "десятичной" системы, посвятившего ей нескончаемый ряд докладов, лекций и печатных работ. Но как в запутанном вопросе о терминах, так и в не менее сложном вопросе о классификации не достигнуто соглашения: каждый библиограф продолжает по прежнему выбирать из числа существующих систем ту из них, которая ему почему либо больше по вкусу, иногда вводя в нее собственные поправки и изменения и увеличивая таким образом их без того внушительное число. Чтобы иметь понятие о том, какие размеры

приняла у нас литература по данному вопросу, достаточно познакомиться с составленным П.А.Унде-Поповым "указателем" ("Библиографические Известия", 1914, № 3-4, стр.265-275), из которого видно, что за короткий период времени с 1895 по 1914 год на долю одной только десятичной системы приходится 75 книг и статей (в числе их 8 на польском языке), разъясняющих и пропагандирующих эту систему. Адепты других систем, не имея в своей среде таких настойчивых агитаторов, как "децималисты", проявляли в общем менее заметную деятельность, хотя и их литература довольно значительна. Кстати нельзя не умолчать и об одной из важнейших причин, способствующих распространению у нас десятичной классификации, это - покровительство теперешней власти всем начинаниям, преследующим интернациональные идеи.

Статистика печати.

Важное значение в книжном деле имеет статистика произведений печати, выясняющая последовательность или закономерность явлений, не путем отвлеченных умозаключений, а на основании непосредственных и точных наблюдений. Она дает возможность определить не только вообще размер нашей книжной производительности, но также распределить ее по местам, по издательским фирмам, по отделам знания; разгруппировать сочинения на оригинальные и переводные, подсчитать издания, являющиеся впервые и следовательно составляющие действительный ежегодный прирост литературы, отметить степень распространенности различных сочинений по числу изданий и по числу экземпляров, выходящих в свет и т. п. Проведенная по однообразной системе за много лет, разработка библиографических данных обнаруживает происходящие изменения в различных комбинациях тех или других сторон книжной про-

изводительности.

Статистическим работам должна предшествовать полная и точная регистрация произведений печати, соби́рание сведений о читаемости книг и т.п., т.е. необходимо определить 1) наличие изданий и 2) распространение изданий.

Полная статистика печати у нас в России не может быть представлена, за недостатком материала. Более или менее удовлетворительно обработана статистика XIX ст. и в особенности с 1908 г. с появлением обзоров "Выставок произведений печати". Но и те немногие работы, которые у нас имеются, страдают не только неполнотой, но и отсутствием однообразия, вследствие чего содержащиеся в них сведения не могут быть сведены в одно стройное целое. Хорошо представлена у нас, в отношении наличия изданий, статистика периодической печати с 1703 по 1900 год благодаря работам Н.М.Лисовского, взявшего на себя сложный и кропотливый труд как по составлению графических таблиц, так и регистрации самих изданий. Впрочем и этот труд не полн, так как обнимает собою одни только издания на русском языке (См. его "Русская периодическая печать 1703-1900 гг. Библиография и графические таблицы". СПб., 1915). Ему же принадлежит содержательная статья к юбилею временной печати в России, помещенная в "Литературном Вестнике" за 1902 г. (т.IV, кн.8 и отдельно): "Периодическая печать в России 1703-1903". Статистико-библиографический обзор русских периодических изданий", с таблицами и диаграммами". Остальные попытки в данном направлении представляют собою лишь отрывочный материал за небольшие периоды времени.

С приемами соби́рания и разработки статистических сведений

знакомит нас доклад Н.М.Лисовского, прочитанный им в 1895 г. на первом Съезде русских деятелей по печатному делу, на тему: "Об организации библиографических и статистических работ" (См. Организация статей и библиографич. работ при Русск.Об-ве Деятелей Печатн. Дела. СПб., 1900).

Первоначальный набросок плана к лекциям.

I Введение в историю русской библиографии.

1) Что представляет собою предлагаемый курс, как первый опыт он есть только попытка изложения истор. русск. биб-лии.

Задача трудная в виду неразработанности материала, очень обильного. Поэтому диктуется сдержанность в суждениях.

2) Научное значение, предмет и объем истор. библиографии.

Значение термина "библиография" и родственных ей дисциплин: библиология, библиогнозия, книговедение, палеография и др.; их сущность и задачи и связь между ними на основании существующих в русской литературе определений; их неустойчивость. Резюме Лисовского и возражения на него.

Деление библиографии на 1) славяно-русскую и 2) русскую - (а) до XIX и б) с XIX ст.). (Книжная и периодич. печати).

Литература русской библиографии (библиография библиографии) как сжатая "история". Обзор отдельных трудов этого рода, их характер и значение. Выяснение древнего происхождения русск. биб-лии, ее значение и недостатки. Ее национальные особенности и причины этих особенностей. Но самый термин - новый. Ее отличительные черты.

Начало письменности и библиографии на Руси.

Старейший известный доселе библиографический труд. Его характер, в чем заключается и его значение ("О книгах истинных и ложных"). И кто первый русский библиограф.

Периоды, на которые можно делить историю славяно-русской и русской библиографии:

1) До Петра - (слав.-русская), 2) а) После Петра до XIX ст., б) с XIX ст. Особенности каждого периода, главнейшие труды каждой эпохи. Влияние татарского ига; введение книгопечатания;

реформы Петра. Цензура. Общая характеристика каждого периода.

Группы трудов.

Описи; описания отдельных книг и целых собраний; указатели литературы специальные и общие; библиография библиографий.

(Словари биографические писателей и ученых - в них гл. роль играют библиографические данные, сведения же биографические обыкновенно отсутствуют на задний план).

Библиографическая классификация.

Деятельность отд. лиц и обществ.

Взгляд на историческое исследование (библиографии) и как смотрим мы на такое исследование.

Что сделано у нас для истории русской библиографии; если специальных исследований нет, то чем они заменяются... (Ундольский, Геннади, Брокг. и Ефрон, Дерунов... Характер и значение этих трудов, их недостатки и достоинства.

Как понимается термин "библиография"; место этой дисциплины среди других дисциплин (библиология, библиогнозия, палеография, библиотековедение, их особенности и сходство с библиографией);

Наука ли библиография; мнения об этом и окончательная нерешенность вопроса. Как будем понимать его мы. Следовательно на что мы должны обратить внимание.

Когда возникла у нас библиография: что было причиной ее возникновения; ее первоначальный характер. Состояние просвещения на Руси, его характер; начало письменности. Что преследовала библиография; откуда (из Греции через Болгарию) она пришла к нам. Самостоятельная работа "русская" в первом сохранившемся памятнике.

(перенесение из Греции, где уже в III веке до Р.Хр. - "Таблицы Калимаха").

Вопрос об объеме стоит в связи с понятием термина, который впрочем принадлежит новому времени.

Состояние нашей библиографии и различие с иностранной, причины этого различия.

Выясним, когда зародилась у нас библиография.

Какого было тогда просвещение на Руси и какие причины вызвали библиографию к жизни. Где следует искать ее корни, каким путем она была перенесена к нам и чему должна была служить. В чем она тогда заключалась. Не чисто русское ее происхождение, но русские элементы в ней. Долго не выходила за пределы своего точного и прямого предназначения.

Дальнейшее ее развитие в связи с отношением к книге. Ее новое назначение. Долго ли продолжалось оно и почему ограничивалось только этим. Много ли у нас сохранилось памятников, от каких эпох и сходство и несходство этих памятников между собою. Новые в них элементы, и чем они вызывались. Были ли иноземные влияния, видоизменявшие ее первоначальный облик. Их не было и изменения вызывались практикой дела. С какого времени библиография перестала служить душеспасающим целям. Если она и приняла несколько иной характер, то совершенно ли исчезло ее назначение. Нет; в основе лежала все еще та же цель, но на ее задачи стали смотреть шире; она стала служить не только простым спискам, но уже приготавливала книги для научных работ, давала возможность разобратся легче в их содержании. При сравнительном расцвете специальной библиографии, периодическая литература по библиографии скудна в России. Все попытки создать кончились неуспехом, а некоторые выходящие еще издания влачат самое жалкое существование. Сравнительно долго держались след. журналы: "Библиограф. Записки", еженедельная "Книжная Летопись" . Всего 250 номеров. Остальные попытки в этой области не имеют значения.

Общая характеристика библиографии в России.

Состояние библиографии предст. некотор. особенности.

Неоднократные попытки составить общий перечень всех напечатанных в России книг (какие именно попытки..., кем предложены,..) не имели успеха, гл.обр., вследствие связанных с нею матер.затрат. Но зато в некоторых специальных отделах библиогр.-ия достигла в России больших успехов, благодаря собирателям и любителям из частных лиц. Потребности книжной торговли мало сделали для процветания у нас библиографии, еще менее книготорговцы, хотя и принимали в ней некоторое участие (издание трудов Межова). В этом отношении Россия представляет резкий контраст с Германией, где успехи биб-фии находятся в неразрывной связи с судьбами книжной торговли. Правильно понимая условия и задачи кн.торговли, немецк. книгопродавцы прилагают все усилия к развитию биб-фии.

Отсутствие у нас общих обзоров за старое время заставляет обращаться как для литературных целей, так и для целей книжной торговли, к неполным росписям отдельных книгопродавцев и к каталогам, изданным частными лицами и некоторыми биб-ками, а также ученых (Пекарского, Бычкова, Неустроева и др.). Такими пособиями могут служить: для периода такого-то.... то-то

Отношения России с друг. странами обработаны библиографически в трудах Киселева *etc.* (инкунабулы *etc.*).